

допускали греков во все контролируемые ими пункты. Об этом свидетельствуют материалы массарий Каффы, документы о торговле в Тане⁶. Другое дело, что

⁶ *Balarđ M. La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Roma, Genova, 1978, vol. I, p. 269—277, 310—354; Карпов С. П. Трапезундская империя. . ., с. 36—38. Статистический материал для оценки роли местных купцов и греческих купцов Константинополя и Южного Черноморья в коммерции Каффы, Таны и других эмпориев и портов Северного Причерноморья может*

экономически византийские купцы не всегда могли эффективно воспользоваться своими правами.

Работа Лайу-Томадакис, синтезируя имеющийся материал, побуждает к дальнейшему исследованию инфраструктур византийской экономики, внутрирегиональной торговли, специфики отдельных областей как самой Византии, так и Латинской Романии

С. П. Карпов

быть почерпнут из анализа массарий Каффы, хранящихся в Генуэзском государственном архиве.

M a t s c h k e К. Р. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar: H. Böhlau Nachf. 296 S.

С давних пор в медиевистике был распространен тезис о постепенном упадке Византийской империи, упадке, продолжавшемся целые столетия и особенно наглядно проявлявшемся в эпоху османского нашествия на Балканы¹. Тем не менее — что вполне понятно — в историографии уже неоднократно обращали внимание на поразительную устойчивость Византии, столь ослабленной после успешных османских завоеваний XIV в.; с этим было связано и рассмотрение определенных мероприятий византийского правительства (например, частичной секуляризации монастырских имений после 1371 г.), попыток вернуть во второй половине XIV в. утраченные территории на Черном и Эгейском морях². Однако особое внимание в данном плане, без сомнения, заслуживает «передышка», полученная Византией после сокрушительного разгрома османского султана Баязида I войсками Тимура (в битве при Анкаре 28 июля 1402 г.) и знаменовавшая восстановление прежних (до завоеваний Баязида) позиций империи.

Эта «передышка» стала предметом специального исследования лейпцигского византиниста Клауса Петера Мачке, который осуществил в своей монографии анализ не только внешнеполитического положения государства после Анкарской битвы, но и важных проблем его внутренней истории, социально-экономических процессов начала XV в. В соответствии с этим он рассматривает вначале те оценки, которые были даны самой Анкарской битве и ее последствиям для Византии и для Османской державы как современниками, так и учеными-византинистами; впрочем, в действительности вводная глава (с. 9—39) гораздо шире и глубже ее темы, поскольку вводит читателя в курс тех альтернатив, которые

стояли тогда перед византийскими государственными деятелями, их программы «реконкисты» и поисков средств и наилучших путей к ее реализации. В то же время автор характеризует здесь суждения, которые в византиноведении неразрывно связывали эту «передышку» с кардинальным вопросом о судьбе Византии, о том, был ли у нее тогда реальный шанс, чтобы выжить, выстояв в борьбе с османскими завоевателями и латинской экспансией.

Закономерен поэтому переход автора — во второй главе (с. 40—141) — к детальному разбору Галлиполийского договора 1403 г. и анализу его результатов для осmano-византийского соотношения сил в течение двух первых десятилетий XV в. Справедливо указывая, что договор был заключен Иоанном VII, а вовсе не Мануилом II (с. 40—41), К. П. Мачке обращает внимание в данной связи на то, что именно Иоанн VII в силу договора стал «отцом» (в формально-иерархическом смысле) нового султана Сулеймана, сына Баязида I, причем эта иерархическая конструкция сохранялась еще при Мехмеде I, т. е. вплоть до 1421 г.: Разумеется, для реальных взаимоотношений Византии с османами была гораздо важнее, в особенности в период ожесточенной борьбы наследников Баязида, не номинальная зависимость султанов от их ромейских «отцов», а вполне конкретные размеры тех территориальных приобретений Византии (т. е. Салоник с прилегающими землями, далее — черноморского побережья и др.), которые были закреплены по данному договору и, видимо, даже отчасти расширены в результате политики Мануила II (примечательно, что это встречало недовольство Венции — с. 60—61). Рассматривая далее вопрос о дани османов — в пользу Византии, Фессалоник — в пользу Порты, перипетии борьбы за Галлиполи, состояние византийского флота и укреплений после 1402 г., автор следующим образом резюмирует итоги изучения всего этого сложного круга проблем: попытка вернуть прежнее преобладающее положение Византии по отношению к османам была безуспешной, договор 1403 г. не стал исходным пунктом для завоевания новых позиций, причем причины этому различны и, видимо, не

¹ Ср.: *Курбатов Г. Д. История Византии: Историография. Л., 1975, с. 36, 40, 116 и др. См.; например: Острогорски Г. Сабрана дела. Београд, 1969, кн. 1, с. 260 и сл.; Наумов Е. П. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в. — ВВ. 1964, 25.*

могут быть сведены лишь к отсутствию соответствующих ресурсов у Византии; следовательно, эти вопросы требуют еще дальнейшего исследования (с. 140—141).

Весьма показательно, что, затрагивая уже во второй главе некоторые аспекты финансового и экономического положения империи в начале XV в. (в частности, применительно к проблеме дани туркам и снабжения зерном Константинополя), автор отводит вопросам экономической политики Византии в 1402—1422 гг. всю третью главу (с. 142—238). Не менее любопытно в данном случае и построение: оно состоит из отдельных параграфов, озаглавленных вопросительными предложениями (например: «Император или правитель? „Экономическая политика“ Маувила в 1403—1422 гг. и ее эффект») и содержащих попытку ответить на эти вопросы или же как-то проиллюстрировать определенные процессы развития византийской экономики и общества в тот период. Здесь следует указать также, что эти экскурсы автора служат в известной мере продолжением его предшествующих исследований на тему «прогресс и реакция» в Византии в середине XIV в. (в частности, в византийском городе)³.

Вполне объяснимо также, что в заключительной главе монографии — «Частное, особенное и всеобщее в истории поздней Византии. Попытка общего итога» (с. 239—273) — автор особый упор делает именно на социально-экономические вопросы, хотя известная нам картина византийского общества в начале XV в. «чрезвычайно противоречива и фрагментарна» (с. 266). И тем не менее, разумеется, нам важнее понять, имела ли перспектива дальнейшего существования империи именно в социально-экономическом плане, поскольку перевес военных сил османов был бесспорен и в начале, и в середине XV в. Общий итог, к которому приходит ученый, таков: действительно, мы имеем дело с процессом упадка Византии в течение ее последнего века, однако упадок этот был не прямолинейным и односторонним, он «иногда и частично был связан с заметным прогрессом» (не только в духовной, но и в социально-экономической сфере), пусть этот временный прогресс и не мог привести к реальному изменению тенденций (с. 270). Более того, стараясь включить всю проблему в контекст истории общеевропейского позднего средневековья, автор полагает, что для гибели Византии решающее значение имело раз-

личие типов общественного развития ее противников, т. е. что «против латинян или османов, вероятно, Византия смогла бы выстоять», но сразу противостоять разным социальным силам не могла (с. 273).

Завершая рассмотрение книги К. П. Мачке, хотелось бы отметить умение автора использовать чрезвычайно обширный и разнообразный материал источников, стремление рассматривать процессы в их сложной диалектике, живой и образный язык. Монография вносит заметный вклад в разработку многоплановых процессов истории Византии в период полувосточной ее последней «передышки». К числу достоинств книги относится и старание автора тесно связать рассматриваемые события начала XV в. с предшествующей эпохой истории империи (в частности, середины XIV в.), благодаря чему в действительности рамки монографии оказываются более широкими, нежели это вытекает из ее заглавия.

Некоторые положения автора остаются еще гипотетическими (прежде всего ввиду недостатка источников по отдельным вопросам), что он, разумеется, сам осознает и нередко отмечает в книге. Вместе с тем следует отметить и известные пробелы, или недочеты, встречающиеся в монографии. Так, в попытке подведения общего итога применительно к положению византийского крестьянства заметную роль играют суждения о роли и росте «номадизировавшихся» этнических элементов в византийской деревне той поры, о главных категориях крестьян и их повинностях, наконец, о значении османского завоевания для судьбы византийских крестьян (с. 255, 257), однако автор ссылается на работу Э. Вернера и его выводы относительно владов; между тем в поздневизантийских владениях, вовсе не охватывавших внутренние районы Балканского полуострова, влады в начале XV в. вряд ли составляли заметную категорию населения. Далее, если говорить об оценке византийскими деятелями той поры причин Анкарского поражения османов и «передышки» для империи, то, быть может, не следовало так резко разделять сугубо конфессиональные и политические мотивы, определявшие позицию, например, самого императора Маувила и других его современников (с. 14). Конечно, эти замечания несколько не умаляют научной значимости проведенного исследования, которое во многом по-новому освещает нам судьбы Византии в начале XV в.

Е. П. Наумов

³ Ср., например: ВВ, 1980, 41, с. 274—276.

Средневековият български град. София: Българско историческо дружество, 1980.

Представляемый сборник содержит доклады и сообщения, прочитанные на конференции, состоявшейся 4—6 апреля 1979 г. в г. Велико Тырново. Тематически он подразделяется на три части: общие проблемы средневекового болгарского города, проблемы изучения болгарских средневековых столиц и других городов и крепостей.

Первый раздел состоит из теоретических статей, написанных ведущими болгарскими медиевистами, которыми рассматриваются вопросы становления болгарского средневекового города, особенности формирования городских центров в Северной и Южной Болгарии, роль и значение влияния византийской культуры на процесс развития городов страны.